

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 31го ОКТЯБРЯ С.Г.

В 7 Ч. ВЕЧ.

СОСТОИТСЯ ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ

ЧЛЕНА АКАДЕМИИ

Б.В.ФАРМАКОВСКОГО
О ВАЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

вход свободный

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДЪЕЗД

ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В ТРУДАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ АРХЕОЛОГОВ
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

(К 100-летию создания российской
академической археологии)

DOI: 31.600/978-5-85803-525-1
УДК 930.26(081)
ББК Т4я4

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Рецензенты:

доктор ист. наук Л. Б. Кирчо; доктор ист. наук, профессор А. Н. Киртичников

Ответственные редакторы:

доктор ист. наук Ю. А. Виноградов; доктор ист. наук С. А. Васильев; кандидат ист. наук К. Н. Степанова

П78 **Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии).** — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. — 420 с.: ил.

ISBN 978-5-85803-525-1

Коллективная монография является результатом трудов ведущих ученых Института истории материальной культуры РАН, отражающих основные результаты археологических исследований за прошедшее десятилетие. Она состоит из четырех глав. Серия статей первой из глав посвящена проблемам первоначального заселения территории нашей страны, что связано с новейшими археологическими открытиями на Кавказе, Таманском полуострове, в Крыму, а также в Арктике. Вторая глава охватывает широкий хронологический диапазон — от позднего каменного века до культур древних кочевников (сюнну). Важные проблемы изучения античной культуры Северного Причерноморья раскрыты в третьей главе на материалах раскопок на Таманском полуострове. Одна из статей посвящена участию ученых ИИМК РАН в изучении Пальмиры (Сирийская республика). Статьи, включенные в последнюю главу, характеризуют итоги археологического изучения Северо-Западной Руси, прежде всего двух важнейших городских центров этого региона — Старой Ладоги и Рюрикова городища.

Издание рассчитано на археологов и историков.

The Past of Humankind as seen by the Petersburg Archaeologists at the Dawn of the Millenium (to the Centennial of the Russian Academic Archaeology). — St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2019. — 420 p.: ill

The book represents a collection of papers written by the leading scholars of the Institute for the Material Culture History, thus reflecting main achievements in archaeological investigations during the last decade. The volume consists of four parts. The first part includes contributions devoted to the problems of the initial peopling of the territory of our country in the light of recent discoveries at the Caucasus, the Taman Peninsula, Crimea, and the Arctic. The second part embraces a huge time span from the Late Stone Age to the ancient nomadic cultures (Xiongnu). The third part deals with the Classical antiquities of the Northern Black Sea region based on the results of the excavations at the Taman Peninsula. One of the papers is devoted to the activities of the scholars of the Institute in the study of Palmyra (Syria). The last part consists of papers devoted to the archaeological study of the Northwestern Russia, especially the exploration of two important urban centers of the region: Staraya Ladoga and Rurik's Hillfort.

The book is oriented toward archaeologists and historians.

На первой странице обложки:

Афиша лекции Б. В. Фармаковского в РАИМК в 1920 г. (рисунок Г. С. Верейского)

ISBN 978-5-85803-525-1

9 785858 035251

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отмечая юбилей: к 100-летию российской академической археологии (*В. А. Лапшин*) 5

Глава I. В глубины доистории человечества

I.1. <i>С. А. Кулаков</i> . Достижения сотрудников ИИМК РАН в изучении палеолита Кавказа в конце XX — начале XXI века	9
I.2. <i>Е. В. Белыева, В. П. Любин</i> . Новые данные о первоначальном заселении Южного Кавказа (Результаты работ Армяно-Российской экспедиции, 2003–2018 гг.)	18
I.3. <i>В. Е. Щелинский</i> . Начало заселения первобытными людьми территории России: древнейшие раннепалеолитические стоянки Южного Приазовья	27
I.4. <i>Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков</i> . Новые данные о раннем палеолите Крыма	56
I.5. <i>Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев, А. К. Очередной</i> . Новые данные по хронологии среднего палеолита Восточной Европы (по результатам полевых исследований ИИМК РАН 1998–2018 гг.)	69
I.6. <i>С. А. Васильев, А. В. Поляков, П. Б. Амзараков, Ю. В. Рыжов, Т. В. Корнева, Т. В. Сапелко, Г. Ф. Барышников, Н. Д. Бурова, Е. Ю. Гиря, Г. Ю. Ямских</i> . Палеолитический человек в предгорьях Саян: стоянка Ирба 2 близ Курагино (Красноярский край)	83
I.7. <i>В. В. Питиулько</i> . Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики	103

Глава II. На просторах Евразии

II.1. <i>О. В. Лозовская</i> . Торфяниковая стоянка Замостье 2: некоторые итоги и перспективы исследований	139
II.2. <i>Н. Н. Скакун, В. В. Терехина, Л. Лонго, И. Е. Пантюхина</i> . Современные трансологические исследования в археологии	157
II.3. <i>В. С. Бочкарев</i> . К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы	166
II.4. <i>Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин</i> . Сокровища наскального искусства Российской Арктики	171
II.5. <i>А. В. Поляков, И. П. Лазаретов</i> . Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин	188
II.6. <i>С. С. Миняев</i> . Актуальные проблемы изучения сюнну	203

Глава III. Постигая классическое наследие

III.1. <i>В. А. Горончаровский</i> . Семибратнее городище (Лабрис) по данным раскопок Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2009 гг.	211
III.2. <i>С. В. Кашаев</i> . Грунтовый некрополь Артощенко-2 (V–II вв. до н. э.)	230
III.3. <i>Ю. А. Виноградов</i> . Священный участок античного поселения Артощенко-1	254
III.4. <i>Н. Ф. Соловьёва, С. Л. Соловьёв, Е. К. Блохин, Э. Э. Казаков</i> . Пальмира во времени и пространстве	271

Глава IV. Славяне, скандинавы и финны на Северо-Западе России

IV.1. <i>В. А. Лапшин</i> . Изучение Старой Ладogi: итоги и перспективы	289
IV.2. <i>Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская</i> . Рюриково городище — выдающийся археологический памятник Древней Руси	303
IV.3. <i>И. И. Еремеев</i> . К вопросу об аграрной скандинавской колонизации в Восточной Европе в раннем средневековье	324
IV.4. <i>А. И. Сакса</i> . Выборг — город на перекрестке истории	348
Литература	379
Список сокращений	417

CONTENTS

Celebrating the jubilee: to the Centennial of the Russian academic archaeology (<i>V. A. Lapshin</i>)	5
---	---

Chapter I. In the deep human prehistory

I.1. <i>S. A. Kulakov</i> . The achievements of the Institute for the Material Culture History in the study of the Paleolithic of Caucasus in the late 20 th — early 21 st centuries	9
I.2. <i>E. V. Belyaeva and V. P. Liubin</i> . New data on the initial human settlement of the Southern Caucasus (Results of the fieldwork of the Armenian-Russian expedition in 2003 to 2018)	18
I.3. <i>V. E. Shchelinsky</i> . The first human settlement of the territory of Russia: the oldest Early Paleolithic sites in the Southern Azov Sea shores	27
I.4. <i>N. K. Anisiutkin and S. A. Kulakov</i> . New data on the Early Paleolithic of Crimea	56
I.5. <i>L. B. Vishnyatsky, P. E. Nekhoroshev, and A. K. Ocherednoy</i> . New data on the chronology of the Middle Paleolithic of Eastern Europe (based on the results of fieldwork of the Institute for the Material Culture History in 1998 to 2018)	69
I.6. <i>S. A. Vasilyev, A. V. Polyakov, P. B. Amzarakov, Y. V. Ryzhov, T. V. Korneva, T. V. Sapelko, G. F. Baryshnikov, N. D. Burova, E. Y. Giryva, and G. Y. Yamskikh</i> . Paleolithic Man in the piedmonts of the Sayan Mountains: the site of Irba 2 near Kuragino (the Krasnoyarsk region)	83
I.7. <i>V. V. Pitulko</i> . In pursuit of the time: searching for the initial human settlement of the Siberian Arctic	103

Chapter II. In the vastness of Eurasia

II.1. <i>O. V. Lozovskaya</i> . The peatland site of Zamostje 2: some results and research perspectives	139
II.2. <i>N. N. Skakun, V. V. Terekhina, L. Longo, and I. E. Pantiukhina</i> . Contemporary use-wear studies in archaeology	157
II.3. <i>V. S. Bochkarev</i> . Considering the periodization of the Bronze Age of the Southern Eastern Europe	166
II.4. <i>E. M. Kolpakov and V. Ya. Shumkin</i> . Treasures of rock art in Russian Arctic	171
II.5. <i>A. V. Polyakov, I. P. Lazaretov</i> . Modern chronology of the Paleometal Ages of the Minusinsk Depressions	188
II.6. <i>S. S. Minyaev</i> . Contemporary problems in the study of Huns (Xiongnu)	203

Chapter III. Investigating Classical antiquities

III.1. <i>V. A. Goroncharovskiy</i> . The Semibratnee Hillfort (Labris) based on the data from the excavations of the Bosphorus expedition of the Institute for the Material Culture History in 2001 to 2009	211
III.2. <i>S. V. Kashae</i> . The graveyard of Artiuschenko 2 (5 th to 2 nd centuries BC)	230
III.3. <i>Y. A. Vinogradov</i> . The sacred place of the antique settlement of Artiuschenko-1	254
III.4. <i>N. F. Solovieva, S. L. Soloviev, E. K. Blokhin, and E. E. Kazakov</i> . Palmira in time and space	271

Chapter IV. Slavs, Scandinavians and Finns in the Northwest Russia

IV.1. <i>V. A. Lapshin</i> . The study of Staraya Ladoga: achievements and perspectives	289
IV.2. <i>E. N. Nosov and N. V. Khvoschinskaya</i> . The Rurik's Hillfort, an outstanding archaeological site of the Ancient Rus'	303
IV.3. <i>I. I. Eremeev</i> . Considering the Scandinavian agricultural colonization in Eastern Europe in the Early Middle Ages	324
IV.4. <i>A. I. Saksa</i> . Vyborg, a city at the crossroads of history	348

References	379
----------------------	-----

List of abbreviations	417
---------------------------------	-----

1.4. НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕМ ПАЛЕОЛИТЕ КРЫМА*

Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков**

Аннотация. В статье приведены итоги двухлетних (2016, 2017) археологических исследований местонахождения древнейшего раннего палеолита Коз, расположенного на 100-метровой морской террасе Южного Крыма. Каменные изделия, преимущественно изготовленные из эффузивных пород, представлены несколькими десятками артефактов. Среди них наиболее характерными являются галечные орудия, включая чоперы и близкие им формы, а также отдельные нуклеусы и отщепы. Технико-морфологический анализ позволяет сопоставить данный комплекс с древнейшим палеолитом типа Mode 1. На основе геохронологических данных местонахождение Коз датируется концом эоплейстоцена — началом раннего плейстоцена.

Ключевые слова: Крым, морские террасы, ранний палеолит.

Введение. Нередко бывает так, что важные научные открытия, независимо от их актуальности, проходят почти незаметно не только для научной общественности, но и даже для большинства специалистов. Это связано, прежде всего, с тем, что обнаруживаемые новые факты никак не вписываются в господствующую общую концепцию развития, принятую в данный момент для той или иной территории. Как известно, даже наиболее выдающиеся научные достижения временны и относительны, так как они находятся в зависимости от достигнутого уровня развития науки в целом. К числу подобных открытий следует отнести комплексы¹ с галечными орудиями архаичного облика с территории Крымского полуострова, которые впервые были обнаружены украинскими археологами А. А. Щепинским и А. А. Клюкиным в окрестностях г. Судака в 1976 г. Найденные на высоких морских террасах артефакты, представленные как галечными орудиями, так и прочими формами, включая нуклеусы и отщепы, отнесены в целом к домустьерской «галечной культуре» (*Щепинский, Клюкин, 1992*). Несколько позднее подобные находки удалось выявить молодому украинскому археологу С. М. Жуку в окрестностях Большой Ялты (*Жук, 1994*). Каменные изделия архаичного облика, включая выразительные галечные орудия, были собраны с поверхности нескольких местонахождений на террасах высотой 120 м над современным уровнем Черного моря. Следует отметить, что С. М. Жук определил поверхности с находками галечных изделий как древние морские террасы, основываясь на наличии здесь морской гальки (*Zuk, 1995*). Находки были однозначно датированы ранним палеолитом. С. М. Жук сопоставлял их даже с поздним олдваном, считая, что данные галечные орудия, включая выразительные чоперы, происходили из отложений раннего плейстоцена и эоплейстоцена². Очень важно, что галечные орудия постоянно сопровождалось типичными для комплексов раннего палеолита нуклеусами, отщепами и орудиями из них.

Казалось бы, данные открытия должны были вызвать определенный интерес у специалистов, интересующихся проблемой первоначального заселения древнейшими людьми Восточной Европы. Эта проблема давно интересовала широкий круг ученых Советского Союза, основывавшихся, правда, на весьма скудных

* Работа выполнена в рамках темы государственного задания ФНИ ГАН № 0184-2018-0012 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

** Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита. E-mail: leonid.dictyoptera@gmail.com kazvolg@yandex.ru

¹ Используемые в статье термины *комплекс* и *индустрия* соответствуют определениям, предложенным в словаре-справочнике по археологии палеолита (*Васильев и др., 2007*).

² Термин *эоплейстоцен*, принятый геологами в СССР, аналогичен термину *ранний плейстоцен* европейских исследователей.

источниках (Любин, 1961; Гладыли, 1976; Праслов, 1984). Однако научная общественность тогда не была готова реально воспринять эти материалы. Во второй половине XX в. широкое распространение получила точка зрения на достаточно позднее появление в Европе древнейших предков ископаемых людей. Согласно этим представлениям, первые колонисты из Африки лишь эпизодически начали проникать на территорию южной части Европы — в Италию и Испанию только в конце раннего плейстоцена, начале среднего. Подлиннее же поселения древнейшего раннего палеолита, но уже с ручными рубилами, должны были бы иметь возраст не более 500 тыс. лет (Hoffecker, 2005). В связи с этим особый интерес представляет публикация начала XXI в., где проблема первоначального заселения рассматривается на основе новейших данных с территории Кавказа и Восточной Европы. Речь идет о коллективной монографии, посвященной материалам Треугольной пещеры из Карачаево-Черкессии (Северный Кавказ). Здесь найдены каменные орудия раннего палеолита и остатки четвертичной фауны выявлены в четком стратиграфическом контексте. Возраст найденных в слоях артефактов был установлен в пределах 400–600 тыс. лет. Согласно сформулированному в работе общему выводу, древнейший ранний палеолит Русской равнины должен быть моложе 400 тыс. лет (Дороницев и др., 2007). Данное заключение, естественно, не учитывало крымские находки, что было связано с отношением к ним, как сомнительным.

Тем не менее существовали ученые, полагавшие что «уже около 1 миллиона лет назад южные пределы Восточной Европы были заселены группами гоминид, способными сознательно изготавливать орудия труда» (Долуханов, 2000. С. 194). Данный вывод основан на материалах из нижних горизонтов VII–VIII местонахождения Королево 1 в Закарпатской Украине. Для горизонта VII уже была получена абсолютная термолуминисцентная дата — более 800 тыс. лет (Гладыли, Ситливый, 1990).

В этой связи особенно интересной должна быть краткая оценка обсуждаемых крымских коллекций, предложенная В. П. Чабаем. В монографии, посвященной среднему палеолиту Крымского полуострова, он писал: «Памятники, в которых обнаружены материалы, относящиеся к раннему палеолиту, представлены сборами подъемного материала с поверхностей морских и речных террас. Время образования террас указывает, как известно, на нижний хронологический рубеж появления данных материалов, тогда как верхний рубеж в принципе неопределим» (Чабай, 2004. С. 7). Этот вывод на первый взгляд следует признать безупречным, если учесть, что рассматриваемые артефакты представлены только подъемным материалом с неясной хронологией.

Тем не менее совместное нахождение типичных чопперов и характерных для раннего палеолита других форм артефактов, обнаруженных на высоких террасах, представляют особый интерес. Выявленные здесь комплексы каменных изделий, как показывают имеющиеся материалы, не характерны для более поздних этапов палеолита. Найденные в Крыму артефакты сопоставимы с каменными индустриями раннего палеолита, в частности Средиземноморья. Установлено, что соотношение высоты и возраста морских террас является характерным для всей Средиземноморской области, включая Черное море (Марков, Величко, 1967). Этот вывод в очередной раз подтвердили исследования французских ученых, проведенные в районе Ниццы, на побережье Средиземного моря. Так, поверхность культурного слоя грота Валонне с раннеплейстоценовой фауны и единичными, но очень выразительными находками артефактов позднего олдванга (1100–900 тыс. лет) расположена на высоте 110 м над уровнем моря. Напротив, поверхность древнего пляжа с расположенной на ней ашельской стоянкой Терра Амата возрастом около 400 тыс. лет, соответствует уже 26 м. Существовало, что еще на более низких уровнях найдены и мустьерские комплексы (Lumley et al., 2009a). В этой связи дополнительный интерес вызывает находка типичного мустьерского остроконечника из отложений карангатской морской трансгрессии, обнаруженного в южном Крыму, в западной части Судакской бухты непосредственно у поселка Новый Свет (Гвоздовер, Невеский, 1961). Это орудие, как и мустьерский комплекс из грота Рамандил (Ramandils) в районе Ниццы, происходящий из сопоставимых отложений средиземноморской тирренской трансгрессии, расположены почти на одинаковой высоте (около 12–14 м) над современным уровнем моря. Как известно, тирренская и карангатская террасы формировались во время рисс-вюрмского межледниковья (около 128–110 тыс. лет), соответствия началу позднего плейстоцена.

Открытие архаичной «галечной индустрии» все же не осталось незамеченным. На эти материалы обратили внимание Н. Д. Праслов и В. Н. Степанчук, которые единодушно отнесли эти крымские находки к раннему палеолиту (Праслов, 2008; Степанчук, 2006). Причем Н. Д. Праслов, используя свои открытия на Волге и публикации С. М. Жука по Крыму, особо подчеркнул необходимость специализированных поисков древнейших памятников именно в Восточной Европе (Праслов, 2008. С. 95).

Находки в Южном Крыму «галечной культуры» явились основанием для постановки проблемы естественного удревления начала первичного заселения ископаемыми людьми типа *Homo erectus* территории Восточной Европы. Разумеется, для доказательства требовались стратифицированные материалы. Они

были обнаружены, если иметь в виду Русскую равнину, только в 2010 г. К ним относятся находки из Нижнего Приднестровья (Анисюткин, 2017) и немного позднее непосредственно с территории Крыма.

Палеолит Крыма всегда входил в круг интересов археологов ИИМК РАН, ведь само открытие и начало исследования каменного века полуострова связано с именем петербургского ученого К. С. Мережковского (см.: *Береговая*, 1960; *Векилова*, 1971; *Васильев*, 2008; *Вишняцкий*, 2017). Исследования Г. А. Бонч-Осмоловского в гроте Кник-Коба заложили основы подлинно профессионального изучения археологических памятников не только Крыма, но и всей территории России. В середине XX в. крымские памятники каменного века плодотворно изучали Л. М. Тарасов и Е. А. Векилова (см.: *Васильев*, 2008). Поэтому обращение сотрудников ИИМК РАН к изучению крымского палеолита в начале XXI в. вполне закономерно. Во главу угла нового этапа работ были поставлены поиск и исследование раннего палеолита Крыма.

В 2014–2015 гг. палеогеограф А. Л. Чепальга начал новые исследования морских террас Южного Крыма. При этом в ряде мест им были собраны предположительно каменные артефакты в обнажениях и на поверхности некоторых террас (Чепальга, 2015). Н. К. Анисюткин, изучавший эти находки в Москве, установил присутствие артефактов, сопоставимых с изделиями среднего и раннего палеолита (Чепальга и др., 2015а). Наибольший интерес представили находки из галечников высокой 100-метровой террасы в карьере, расположенном в центре села Солнечная долина Судакского городского округа (Анисюткин и др., 2018).

Стратифицированный комплекс артефактов местонахождения Коз. В 2016 и 2017 гг. сотрудниками ИИМК РАН были проведены археологические исследования в Солнечной долине. Пункт получил наименование *местонахождение Коз*, происходящее от крымско-татарского названия реки, протекающей по селу (рис. 1).

В 2016 г. авторами статьи было внимательно рассмотрено место сборов артефактов на этом местонахождении. Оно было приурочено к изолированному останцу террасовидной поверхности непосредственно в центре села, который в настоящее время используется как местный глиняно-галечный карьер площадью около 500 м² (рис. 2). Эти террасовидные отложения были определены и описаны А. Л. Чепальгой, как «100-метровая VIII Мангильская терраса позднего эоплейстоцена» (Чепальга, 2015. С. 33–34) (рис. 4: 1). Тринадцатиметровый ступенчатый разрез террасы (рис. 4: 2) состоит из переслаивающихся «песчано-глинисто-алевритовых» и галечных слоев, которые свидетельствуют о том, что эти отложения формировались в «прибрежные фации мелководного бассейна с активной волно-прибойной зоной» морской лагуны (Чепальга и др., 2015а. С. 8–12). Следует обратить внимание, что в карьере в настоящее время нет ни позднплейстоценовых, ни голоценовых отложений. Они, по всей видимости, ликвидированы ранее вскрышными работами (Чепальга и др., 2015а. С. 7).

Очень важной находкой оказался выразительный чоппер, обнаруженный *in situ* С. А. Кулаковым в 2016 г. непосредственно в среднем галечнике террасы (рис. 3: 1; 5: 1). Положение этого изделия дало указание на вероятное нахождение происходящих из осыпи каменных артефактов. Собранный тогда же под обнажением коллекция была весьма выразительна, представляя характерный архаичный комплекс раннепалеолитического облика (Анисюткин и др., 2018).

В 2017 г. были организованы специальные археологические исследования. Небольшие раскопки позволили установить присутствие артефактов непосредственно в слое древнего галечника, примерно в середине террасовых отложений (рис. 2; 3: 1; 4: 2). Работы показали, что так называемый «третий сверху горизонт галечника», строго говоря, является, более чем 2-метровой пачкой отложений, включающей в себя горизонты крупного и мелкого обломочника в разной степени окатанности, разделенных прослоями алеврита (рис. 3: 2; 4: 2, 3). На наш взгляд, такие отложения характерны для прибрежной части крупного мелководного моря залива. Таким условиям наиболее соответствует раннеплейстоценовый чаудинский бассейн Черного моря.

В результате проведенных работ в шурфе было выделено 18 артефактов в разной степени окатанности, изготовленных из местных эффузивных пород камня. Все артефакты приурочены к горизонтам обломочника — слой 2, 3, 5, 7, 8 (рис. 4: 3).

Общая коллекция каменных изделий местонахождения Коз, включая и артефакты, собранные на современной дневной поверхности в карьере, насчитывает около 40 предметов. Они преимущественно изготовлены из изверженных пород, а также кремнистого песчаника, мраморовидного известняка и единично кремня. В качестве первичного сырья применялись не только гальки или желваки, но и обломки частично окатанных пород. Разнообразие сырья указывает на то, что, возможно, часть обнаруженных камней могла быть принесена ископаемыми людьми на стоянку намеренно. Особенно показательной являются находки двух кремневых отщепов, включая скребло и отщеп с ретушью размерами менее 4 см. Известно, что ближайшие источники кремня удалены от местонахождения на расстояние около 25 км.

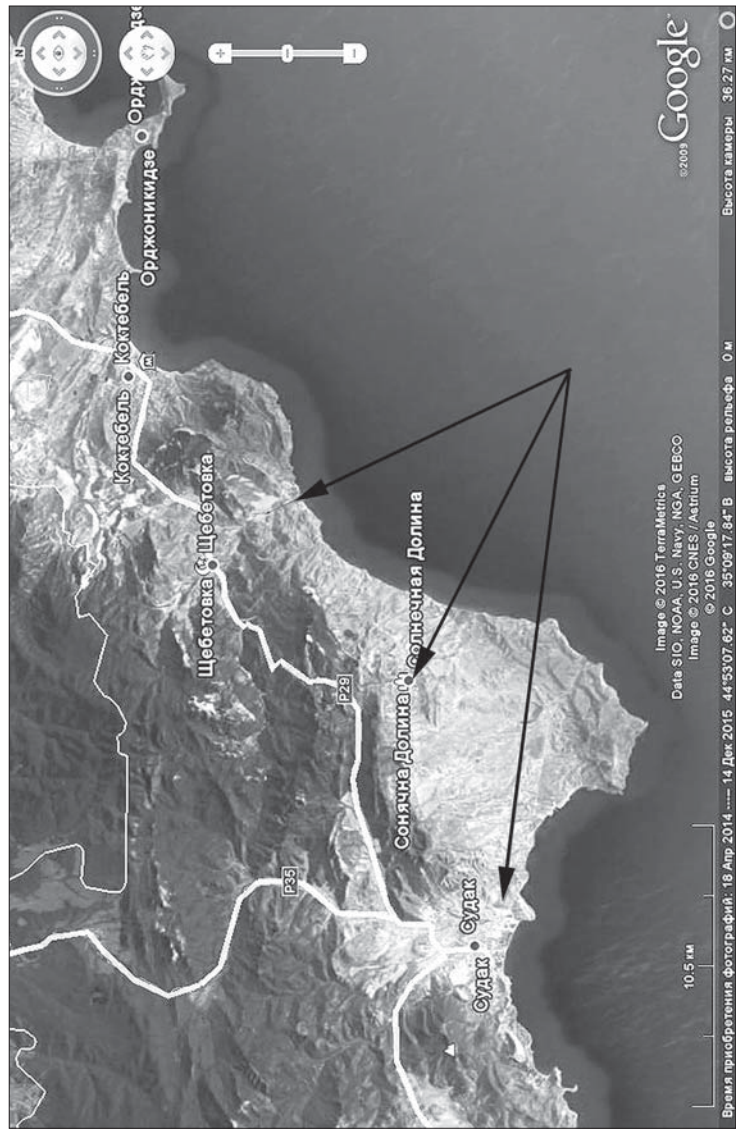

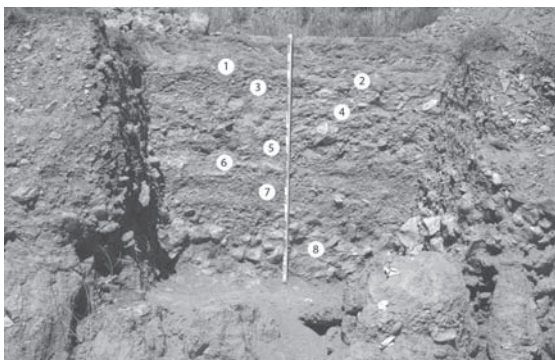
Рис. 1. Крымский полуостров (южная часть). Стрелками указаны места работ Крымского отряда ИИМК РАН в 2016–2017 гг.

Рис. 2. Село Солнечная долина 2016 г. Карьер, стрелкой указано место обнаружения артефакта в слое галечника

1

2

Рис. 3. Село Солнечная долина:

1 — местонахождение Коз. Карьер 2016 г., стрелкой указано место обнаружения артефакта в слое галечника;
2 — местонахождение Коз. Карьер 2017 г. Стратиграфия отложений галечника в шурфе по северной стене

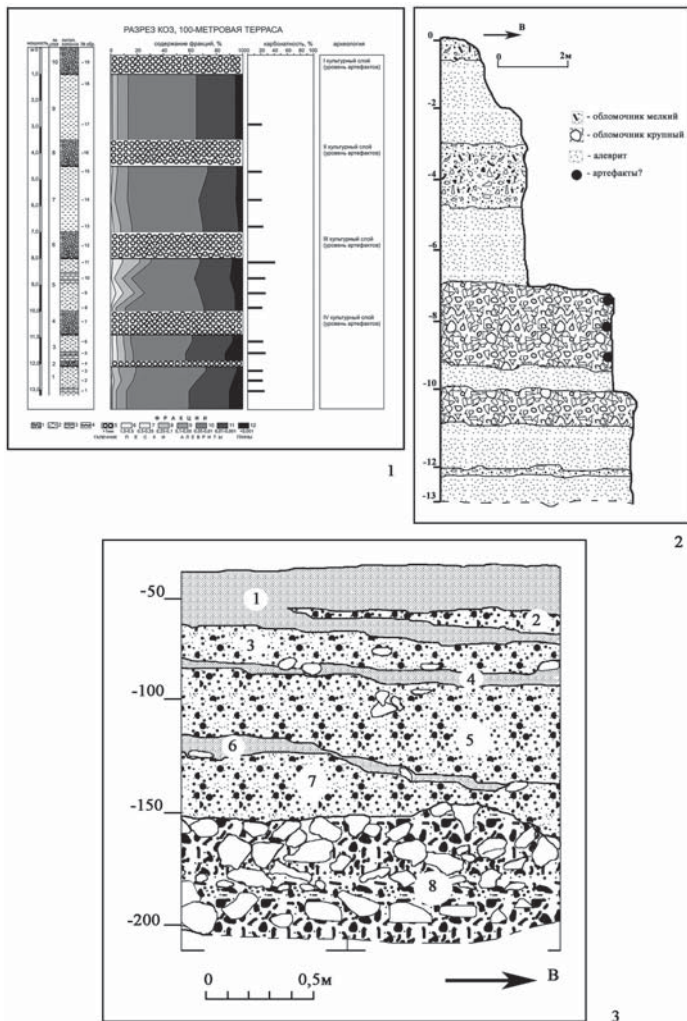

Рис. 4. Стратиграфия отложений в карьере в селе Солнечная долина на местонахождении Коз: 1 — общая колонка отложений (по Чепальга и др., 2015, Рис. 2); 2 — общая колонка отложений; 3 — стратиграфия галечника в шурфе 2017 г. 1–8 — нумерация слоев

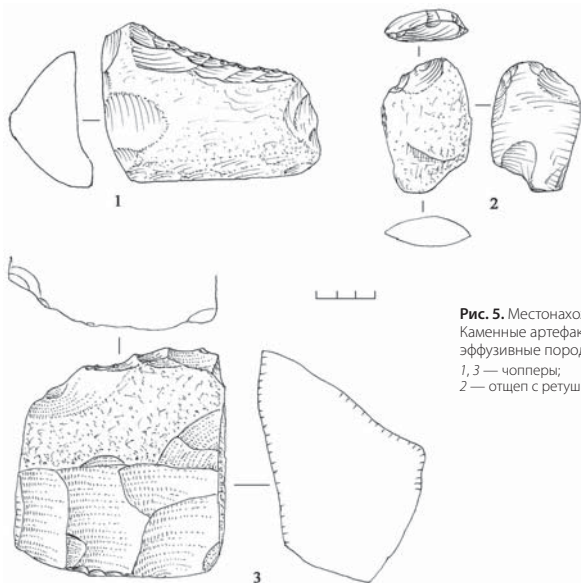
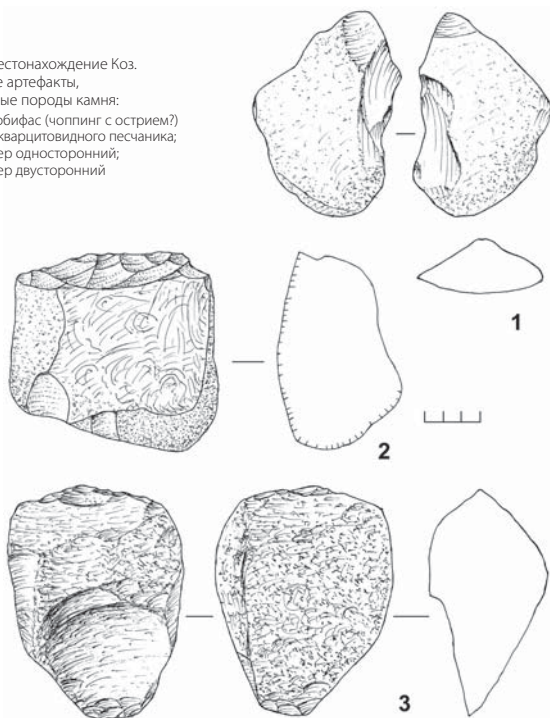

Рис. 5. Местонахождение Коз. Каменные артефакты, эффузивные породы камня:
1, 3 — чоперы;
2 — отщеп с ретулью

Так как стоянки располагались непосредственно на поверхности древнего пляжа, то все артефакты, естественно, происходят из нарушенных морскими прибойми слоев. Так, наиболее интенсивно окатаны изделия мелких размеров, которые весьма легко перемещались волновой абразией. Вследствие этого все вероятные мелкие отщепы из некремневого сырья могли быть окатаны в такой степени, что оказались практически неотличимыми от естественных обломков таких же размеров, а поэтому их нет в коллекции. Исключением являются отщепы из более твердого кремня. Отсюда следует, что количественные соотношения между разными категориями находок в нашем случае не являются строго показательными.

Среди артефактов особый интерес представляют галечные орудия, включая такие формы, как чоперы и чоперовидные изделия. В коллекции нет полиздров и сфероидов, к которым условно можно отнести лишь крупный нуклеус из кремнистого песчаника (рис. 7: 3). Общее количество чоперов и близких им форм равно 14 экз. Чоперы, имеющие преимущественно крупные размеры, были подразделены на односторонние (9 экз.) и двусторонние (5 экз.). Один из двусторонних чоперов, изготовленный на удлиненной андезитовой гальке, имеет относительно небольшие размеры. Второй отличается более крупными размерами (рис. 6: 3). В качестве заготовки использован естественный обломок андезита (?). Это орудие имеет два рабочих края, из которых широкий отличается слабо выраженной обработкой, где фасетки, возможно, возникли в результате утилизации. Ему противополжит зауженный рабочий край, выделенный крупным сколом, где рабочая кромка образована интенсивной двусторонней обработкой. Согласно экспериментам А. Е. Матюхина, подобный характер расположения фасеток ретуши указывает на использование данной формы в качестве рубящего орудия (Матюхин, 1983. С. 174). Боковые края имеют следы продольных сколов, возможно, указывая на их аккомодационное значение. Третье орудие с хорошо выделенным рабочим краем, видимо, вначале использовалось как нуклеус. Еще одно, похожее на чопер орудие, изготовлено из гальки кремнистого песчаника (?) (рис. 6: 1). Его продольный край имеет выразительную двустороннюю обработку, которая отчасти распространяется и на верхний заостренный конец. Противополжающий извилистому лезвию край не имеет обработки и может восприниматься как естественный обшук. Ряд исследователей предлагает рассматривать аналогичные

Рис. 6. Местонахождение Коз.
Каменные артефакты,
эффузивные породы камня:
1 — протобифас (чоплинг с острием?)
на гальке кварцитовидного песчаника;
2 — чоппер односторонний;
3 — чоппер двусторонний

формы орудий как «чоплинги с заостренными концами» (*Гладилин, Ситливый, 1990. С. 11*). Одно чопперовидное орудие с чередующейся обработкой поперечного конца изготовлено на сильно окатанном отщепе (рис. 5: 2). Этот предмет следует определить как отщеп с ретушью.

Чопперы с односторонней обработкой были подразделены на продольные (2 экз.), поперечные (5 экз.) и долотовидные (2 экз.). Все они были изготовлены из галек и их обломков относительно крупных размеров (рис. 6: 2). Один выразительный чоппер с поперечным рабочим краем найден *in situ* в 2016 г. (рис. 5: 1). У двух долотовидных чопперов четко прослеживается дополнительная обработка боковых сторон разновеликими сколами. Процесс выделения аккомодационных участков может рассматриваться как один из важных элементов позднего олдована. На это впервые обратил особое внимание Х. А. Амриханов, описывая олдованские комплексы с территории Южной Аравии (*Амриханов, 2006*).

Техника первичного раскалывания в коллекции местонахождения Коз представлена нуклеусами и отщепами. Подлинных нуклеусов всего два. Оба имеют достаточно крупные размеры, они весьма примитивны и могут быть определены как многоплощадочные (рис. 7: 3). Следов дополнительной подправки поверхностей скалывания нет. Сколы снимались с неподготовленных естественных или гладких, образованных предшествующими снятиями ударных площадок. Они, судя по негативам, имели относительно крупные размеры.

Показательными являются сколы. Всего в коллекции предметов, происходящих как из сборов, так и раскопок, выделено 14 отщепов. Из них 11 имеют по краям следы ретуши, которая не всегда может

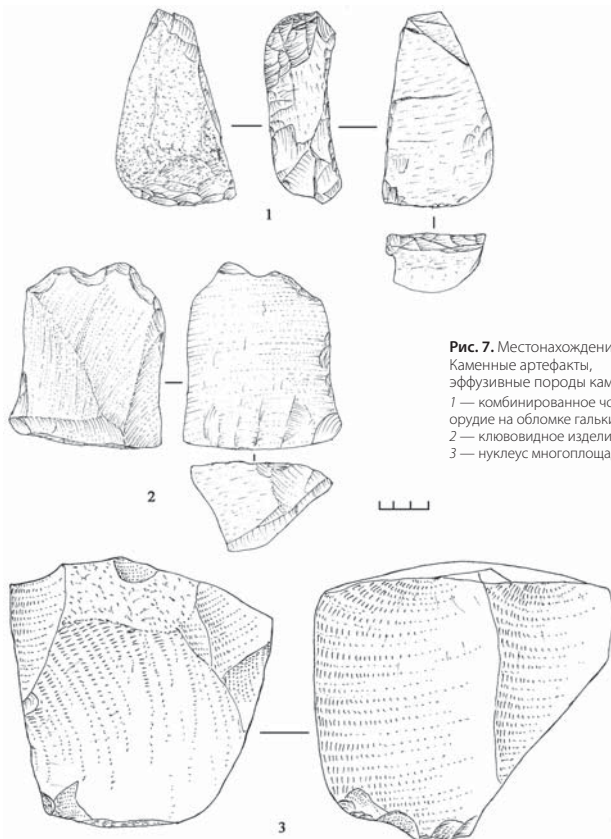

Рис. 7. Местонахождение Коз.

Каменные артефакты, эффузивные породы камня:

- 1 — комбинированное чопперовидное орудие на обломке гальки;
 2 — клыковидное изделие на отщепе;
 3 — ядро многоплощадочный

быть подлинной. В ряде случаев речь идет о следах повреждений. По размерам серия отщепов, среди которых 7 целых, распределяется таким образом: предметов до 5 см — 1 экз. (кремневый отщеп), 5–7 см — 5 экз., более 7 см — 8 экз. Самым крупным и массивным в сечении стал первичный скол (рис. 8: 2). Его ударная площадка была снята вторичной обработкой. Отщеп треугольной формы из эффузивной породы также отличался крупными размерами и массивностью. Его длина достигала 15,5 см. Ударная площадка не сохранилась. Дорсальная поверхность отщепы лишена корки. Она сложена негативами трех крупных конвергентных снятий (рис. 9: 5). Почти все прочие отщепы сохраняют на дорсальной поверхности остатки галечной или желвачной корки. Среди предметов с сохранившимися ударными площадками удалось выделить лишь гладкие. Среди них преобладают естественные площадки, сохраняющие корочное покрытие. Ударные бугорки очень часто уплощенные. Найдены три отщепы, которые сколоты с плитчатых заготовок (рис. 9: 1, 3, 4). На это указывают остатки естественных поверхностей с желвачной коркой, сохранившихся как на ударных площадках, так и на противоположных концах.

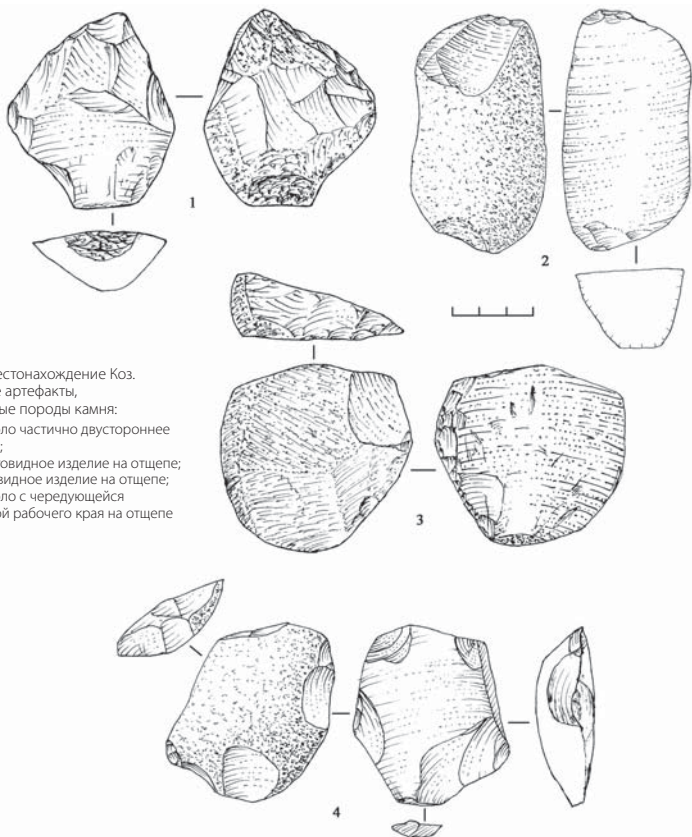

Рис. 8. Местонахождение Коз.

Каменные артефакты,

эффузивные породы камня:

1 — скребло частично двустороннее на отщепе;

2 — долотовидное изделие на отщепе;

3 — ножевидное изделие на отщепе;

4 — скребло с чередующейся обработкой рабочего края на отщепе

В целом морфология ядрищ и отщепов указывает на весьма архаичную технологию раскалывания камня, где полностью отсутствует подготовка ударных площадок и нет выраженной подправки плоскостей скалывания.

К орудиям на отщепах можно условно отнести восемь предметов. Среди них обращает внимание самый крупный первичный скол удлиненных пропорций с удаленной площадкой (рис. 8: 2). Обработка разновеликой ретушью сосредоточена на двух концах. На одном из них прослеживаются фасетки крупной ретуши, нанесенные с вентральной на дорсальную поверхность. На противоположной стороне выявляется забитость в виде мелких фасеток. Второй конец имеет незначительную частично двустороннюю ретушь. Наиболее целесообразно отнести это изделие к своеобразным долотовидным формам.

К скреблам отнесены пять артефактов. Из них три имеют непрерывную краевую ретушь (рис. 9: 2, 3) и на этом основании могут быть описаны как скребла (*Bordes, 1961. P. 25*). К скреблам можно отнести также полупервичный отщеп крупных размеров, один из краев которого оббит фасетками

уплощенных снятий, нанесенных с двух сторон, формируя зигзагообразное лезвие (рис. 8: 4). По данным Франсуа Борда, подобный тип скребел считается редчайшими для среднего палеолита Франции (*Op. cit.* Р. 30), но известен в раннем палеолите. Похожие орудия, к примеру, выявлены в комплексах местонахождений Погреба и Большой Фонтан в Нижнем Приднестровье. Они в предварительном плане датируются миндельским или даже кромерским временем (*Анисюткин, 2016*). Одним орудием представлена скребловидная форма с частично двусторонней обработкой на окатанном отщепе. Наиболее интенсивная обработка сосредоточена на вентральной плоскости (рис. 8: 1). В целом категория скребел весьма аморфна и существенно отличается от аналогичных орудий не только среднего, но и раннего палеолита, соответствующего ашельскому времени.

Очень интересной является ножевидная форма на окатанном отщепе (рис. 8: 3). Рабочий край выделен частичной двусторонней обработкой на углу заготовки. Дистальный конец оббит грубой отвесной ретушью, создавая обухок. Ножи с естественными или иногда ретушированными обухами известны в эполейстоценовых комплексах. Они найдены в слое 5 стоянки Байраки на Днестре и в коллекциях ряда памятников Дагестана (*Амирханов, 2016*. С. 160). В отличие от Приднестровья и Дагестана описываемая нами форма изготовлена не на удлиненных сколах, а на коротком отщепе с намеренно выделенным обухком.

Как своеобразное ключевидное острие можно описать орудие, рабочий элемент которого выделен интенсивной ретушью на углу ударной площадки крупного и массивного отщепа (рис. 7: 2). На его кончике четко заметны два скола, возникшие, возможно, в результате использования данного орудия. Иррегулярная ретушь, прослеживаемая на поперечном конце этого отщепа, образовалась, скорее всего, в результате естественных повреждений в слое галечника. К типичным проколам условно можно отнести кремневый отщеп с ретушью.

Итак, коллекция местонахождения Коз является весьма выразительной. В ней налицо все компоненты архаичного раннего палеолита, позволяющие получить вполне адекватное представление о комплексе. Технично-морфологический анализ указывает на примитивность использованной технологии раскалывания камня. Это же касается и изделий со вторичной обработкой. Комплекс может быть сопоставлен с индустриями древнейшего раннего палеолита типа Mode 1, отличаясь от подлинного олована преобладанием отщепов крупных и средних размеров, что в значительной степени можно объяснить особенностями использованного сырья.

Датировка. В настоящее время датировка комплекса местонахождения Коз может быть установлена двумя способами — археологическим и геологическим. Первый демонстрирует, что каменная индустрия имеет сумму признаков, характерных для каменных индустрий древнейшего палеолита. Комплексы подобного типа сейчас открыты и описаны как на Северном Кавказе и Тамани, так и в долине нижнего течения реки Днестр. Архаичная технология раскалывания камня, отсутствие среди орудий на отщепе стандартных форм, при наличии выразительной серии галечных орудий, — все это указывает на каменные индустрии начального этапа раннего палеолита. Данные признаки обычны для комплекса типа Mode 1, соответствующего развитому оловану. Правда, присутствие в коллекции серии крупных отщепов может указывать скорее на раннеашельский облик комплекса, но это несоответствие, подчеркнем еще раз, может быть обусловлено особенностями сырья.

Геохронология согласуется с археологическими показателями. Прежде всего, находки архаичных артефактов на высоких морских террасах свыше 100 м соответствуют, как это давно отмечалось в Средиземноморье (*Кригер, 1961*) и подтверждено новыми исследованиями на юге Франции, древнейшему палеолиту. Данные палеомагнитного анализа, проведенного на местонахождении Коз находятся еще в стадии обработки. Как полагает А. Л. Чепальга, в основании разреза должны находиться отложения синхронные эпизоду Харамилью³. С учетом всех имеющихся данных каменная индустрия местонахождения Коз должна была существовать в конце эполейстоцена — в начале раннего плейстоцена. В этом случае археологические материалы местонахождения Коз могут быть предварительно датированы начиная с 900 тыс. лет.

Заключение. Стратифицированные комплексы раннего палеолита, открытые и частично изученные в Крыму российскими исследователями в 2014–2017 гг., имеют эполейстоценовый и, как полагает С. А. Кулаков, раннеплейстоценовый возраст. Это заключение основано, прежде всего, на данных геоморфологии террас. Наибольшее подтверждение это нашло на местонахождении Коз. Здесь вся много-

³ Уже после окончания написания статьи Н. К. Анисюткин получил от А. Л. Чепальги сведения о результатах палеомагнитного анализа. Все отобранные из разреза Коз образцы, изученные геофизиком В. В. Семеновым, дали «минус», соответствуя концу эпохи Матуяма.

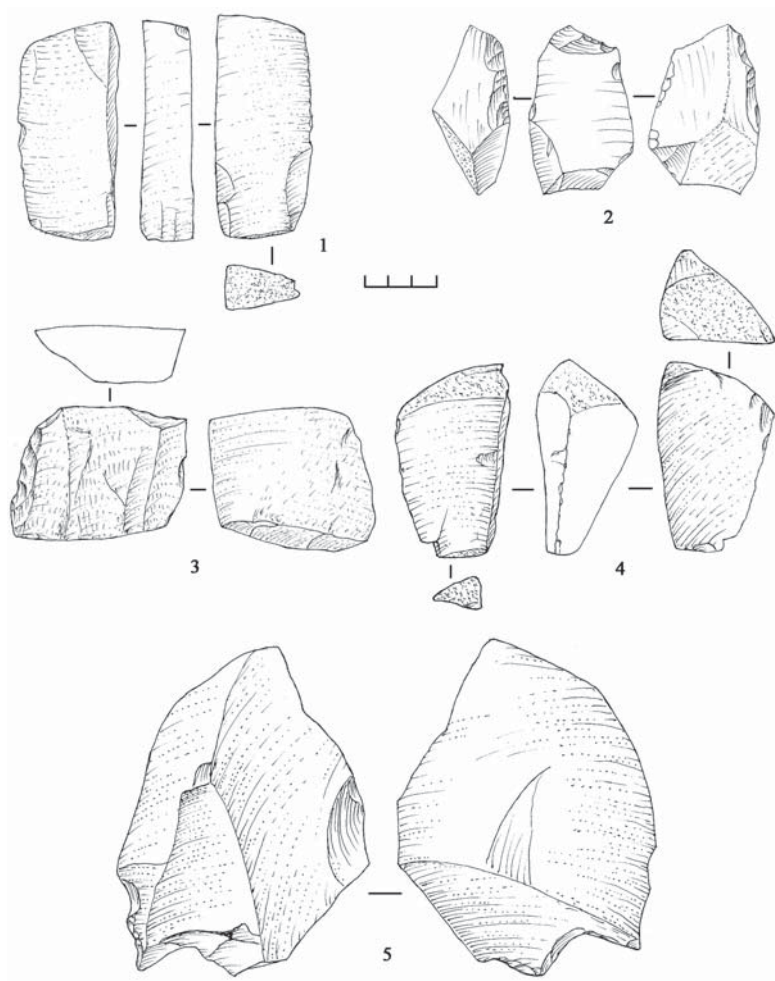

Рис. 9. Местонахождение Коз. Каменные артефакты:

1, 3–5 — эффузивные породы камня; 2 — кремнь.

1, 4 — удлиненные отщепы; 2, 3 — скребла на отщепах; 5 — крупный отщеп

метровая толща отложений с находками каменных артефактов находится в теле террасы высотой 100 м. Наиболее многочисленные и выразительные артефакты происходят именно с этого местонахождения. Найдено несколько десятков каменных артефактов, включая серии чопперов и отщепов. Технично-морфологический анализ коллекции комплекса дал основания отнести его к типу Mode 1 или финальному олдвану Евразии. Комплекс каменных орудий местонахождения Коз, скорее всего, соответствует концу палеомагнитной эпохи Матуяма. Не исключено, что находки с более высоких террас Южного Крыма будут иметь более ранний возраст.

Полученные результаты дают основание относить к этому же времени нестратифицированные каменные изделия аналогичного облика, найденные ранее в Южном Крыму украинскими археологами на поверхностях высоких морских террас.

В настоящее время можно полагать, что в позднем эоплейстоцене ископаемые люди типа *Homo erectus* достаточно прочно заселили территорию Южного Крыма, успешно адаптировавшись к местным природным условиям. Отсюда они начали движение на юго-запад Русской равнины.

Итак, новые исследования по раннему палеолиту в Крыму подтвердили общепринятую гипотезу о заселении Восточной Европы именно с территории Кавказа (Любин, 1998; Деревянко, 2009; Амирханов, 2016). Открытие раннепалеолитических местонахождений на крымском побережье показало особое значение Крыма как промежуточного пункта в дальнейшем распространении предков ископаемого человека на территорию Русской равнины и, возможно, далее на запад. Это заключение подтверждают новейшие данные. Так, наиболее древние эоплейстоценовые памятники расположены на Кавказе и Тамани (Шеллинский, Кулаков, 2007б; Деревянко, 2009; Амирханов, 2016; Анойкин, 2017), а более поздние — на территории Нижнего Приднестровья (Анисюткин, 2017). Результаты наших исследований указывают на перспективность изучения крымского раннего палеолита. Естественно, более достоверную датировку наиболее раннего этапа древнейшего палеолита Крыма еще предстоит установить.